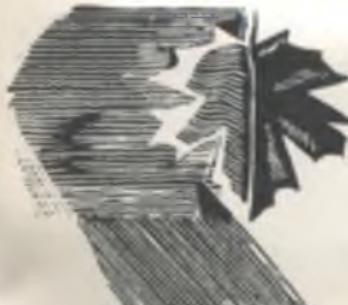

1932558

СЕРГЕЙ ЧУХНІ НОВАКОВ

СЕРГЕЙ
ЧУДОВЪ
ЧИСОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва,
«Молодая гвардия»,
1980

PC

84Р7

496

Ч 70402—209 204—80. 4702010200
078(02)—80

© Издательство «Молодая гвардия», 1980 г.

* * *

Снова на родимой стороне.
Снова я у мамы, да у печки,
Да в лесу, да в поле, да на речке...
Больше ничего не надо мне.

Разве окунишек на уху
Да грибов каких-нибудь десяток.
Каждому скажу как на духу —
Вот и весь и хлеб мой и достаток.

Снова тропы старые торю,
Молодые годы вспоминаю
С ощущеньем жизни на краю,
И не видно ни конца, ни краю...

Осенняя заря, заря глубокая
Горит и гаснет через полчаса.
И только птаха, птаха одинокая
Пустынные тревожит небеса.
Ни шороха, ни звука постороннего,
И летние туманы отцвели...
А сколько гроз высоких похоронено
Здесь, под напластованиями земли!
А сколько вдоль дороги пораскидано
И строгих дум, и песен без вина...
Чего родной землей не перевидано,
Чего не переслышила она!
Чего не повидали эти поженки,
Где ивняки толпятся по краям,
Где нежно прилегают подорожники
К неизлечимым рваным колеям.
Но говорить о прожитом не хватит ли?
Порой колюча память, как жнивье.
И разве сын напомнит старой матери
О возрасте и хворости ее?
Усталая, безмолвная, ранимая,
Пусть отдохнет земля моя, пока
Вечерняя заря, заря равнинная
Свой бледный отблеск шлет на облака.

* * *

Любовь к Руси необъяснима.
И в этом смысл, и в этом страсть!

Зачем тревожная осина
На горькой глине привилась?

Зачем из африканской дали,
Из той загадочной земли
Опять сюда прикочевали
Седые наши журавли?

Зачем багровые закаты
Среди вечерней немоты
Здесь так упорно, как солдаты,
Не покидают высоты?

Зачем на краткие недели,
А не на долгие года,
Покинув родины пределы,
Мы вновь торопимся сюда?

И, где бы мы ни колесили,
Я знаю: будут до конца
На трепет горькой той осины
Ответно трепетать сердца.

* * *

Мама жизнь прожила, и у мамы
Грустный взгляд, понимающий взгляд.
Не люблю, когда трезвые хамы
О любви к человеку твердят.
Знаем эту любовь к человеку...
Вот сидит он — само торжество!
Нет, такой не обидит калеку —
Он совсем не заметит его.
Но зато на торжественных датах
Он цитатами сыплет в упор!
Если совесть его — в адвокатах,
То моя для меня — прокурор.
Потому освещенным во мраке
У меня остается окно,
Что в соседнем широком бараке
Люди спать завалились давно.
Что им снится в ночи бескручинной?
Детям — куклы, конфеты, коньки
И довольные жены — мужчинам,
Женам — смиренные мужики.
В общем, каждый о чем-то мечтает,
А калека во сне и поет!
Но светает, светает, светает,
Как судьба, неизбежен восход.
Ночь короче, короче, короче,
И сливаются вновь у меня
Пожелания: «Доброй вам ночи!» —
С пожеланьями доброго дня...

* * *

Стоит июль. Стоит жара.
Колодец есть, но нет ведра.
И, значит, воду каждый дом
Здесь достает своим ведром.

А это значит — много лет
Здесь мира не было и нет.
Недаром на дверях замки,
Собак железные клыки.

Недаром дети на привет
Глядят испуганно вослед.
Здесь пахнет все недаром
Поджогом и пожаром!
Недолго до беды...

Не надо нам воды.

* * *

Нам по душе погожие деньки.
Они безгрешным солнышком повиты.
Нам по душе широкие ракиты,
И старых мельниц жернова и плиты,
И тихий ток заброшенной реки.

Мой добный друг, он счастлив, как дитя,
Что я не нахвалюсь его местами
И луговыми чистыми цветами...
— Ну что, — смеется, — ноги не устали? —
И мы с ним дальше топаем, шутя.

На вырубке, где мхом покрыты пни,
Он снова улыбается: — Взгляни-ка...
— О, господи! Какая земляника! —
Веселого не сдерживаю крика. —
Она клубнике более сродни.

...И дальше мы шагаем налегке.
Пчелиная вокруг играет вьюга,
И, топая средь млеющего луга,
Мы радуемся радости друг друга,
Как солнцу, землянике и реке.

* * *

Полузабытой дорогой неспешно шагаю,
Топаю тихо на дальний мерцающий свет
Мимо деревни, названья которой не знаю,
Мимо ручья, у которого имени нет.

Миром сводили леса под свои огороды,
Под сенокосы и пашню — работа воловьей
под стать!
Нет, для крестьян не случаются легкие годы,
Даром земля не накормит, хотя и кормилица-
мать.

Вот и лежат те, кто крепко держались
раскола,
Здешний погост — он в малине, в смородине
весь...

А у потомков — окончена средняя школа,
Всюду их встретишь, но только, конечно,
не здесь,

Где ни веселых детей, ни собачьего лая.
Топаю тихо на дальний мерцающий свет
Мимо деревни, названья которой не знаю,
Мимо ручья, у которого имени нет.

* * *

Г. Горбовскому

Подвигаюсь к вечному порогу.
До чего ж не хочется идти!
Только как забыть про ту дорогу
Или сбиться где-нибудь в пути?
Постою у теплых сосен сада,
Он полдневной напоен смолой.
Постою... А ведь идти-то надо.
До свиданья, друг столетний мой!
Посмотрю на голубую иву.
Солнце ей оплавило края.
Что бы раньше подивиться диву...
До свиданья, милая моя.
Реченька родная, до свиданья!
Я не ставил невода по дну.
Может быть, водицы на прощанье
Мне наплещешь пригоршню одну?
Так я все люблю! И даже жутко,
Что в последний раз отметит взгляд,
Как в сырой канаве незабудки
Рядом с маргаритками стоят.
И всему земному мирозданью,
Где цветет и золотится май,
Каждый день шепчу я: «До свиданья...»
Каждый день боюсь сказать: «Прощай...»

* * *

A. Романову

Опять, робея, ухожу под липы,
Там, где темно при первой же звезде.
И снова слышу шорохи и всхлипы,
Как, впрочем бы, услышал их везде,
Где б ни остановился в эту пору.
Вдруг вскрикнет птица, страхом пронята!
Но и звериному едва ль доступна взору
Такая ножевая темнота.

О чём в ночи бормочет старый сад?
Какие заклинанья вспоминает?
Все те же ли, что сотни лет назад,
Куда людской не проникает взгляд?
Хочу я знать, чего никто не знает.

О чём над нами шепчутся листы
И так согласно, не по-человечьи?
О как бы я хотел перевести
Все шорохи осенней темноты
На человечье косное наречье!

Как странен свет надмирного огня!
Ночное дерево вдруг надо мной вздыхает...
Не поняло ли, старое, меня?
Хочу я знать, чего никто не знает.

* * *

В старинном прионежском городе,
Где мог бы чудом стать трамвай,
Сидим не в голоде, а в холода.
Печей не топят, как же — май!
А что за май! Цветет черемуха,
И холод ныжет до костей.
Как будто с ледяного омута
Летел сюда встречать гостей.
А мы туда и собираемся
За окуньком да за ельцом.
Табачным дымом согреваемся,
А кто желает — и пивцом.
Ну что? Поехали? Поехали!
Простуду привезем легко!
И мы со смехом и помехами,
Но все же вышли в озерцо
И встали на заветном омуте.
Тут ветер стих, как на заказ,
И облака лесной черемухи
Со всех сторон теснили нас.
И мы заметили, заметили,
Как там, приветствуя народ,
За облаками-то за этими
И наше солнышко встает.

Такое дождливое лето,
Какого не помнят давно:
Ни солнышком не обогрето,
Ни ягодою не красно.

Одно остается — работа,
Всегда остается одно.
Забудешься — и неохота
Глядеть понапрасну в окно.

С вестями не ждешь почтальона.
Какой по дождю почтальон!
А песня дождя монотонна,
Наводит на дрему и сон.

Притихли деревня и поле.
Мир холоден, черен и гол.
Какой-нибудь пьяница, что ли,
По улице с песней прошел!

И странное чувство такое
Преследует душу, как бред:
Среди тишины и покоя
Как раз вот покоя и нет.

* * *

За озеро кануло солнце,
И там задымилась вода.
В мое слуховое оконце
Младенчески смотрит звезда.

Громов реактивных пониже
Она опустилась, дрожа.
К седым деревенькам поближе
Ее потянулась душа.

Не надо бояться, родная!
Ну что ты, ну что ты, ну что?
Садись-ка на крышу сарая,
Тебя не обидит никто.

Ведь наши привычные люди
Живут, не хватаючи звезд.
Зато тебя утром разбудит
Веселый рябиновый дрозд.

Не тронут тебя самолеты,
Они не касаются крыш.
Ну что ты, ну что ты, ну что ты
Младенчески в душу глядишь?

ХУДОЖНИКУ
МИХАИЛУ БРАГИНУ

Ах, эта жизнь — гори она огнем!
Давай, мой друг, махнем куда попало,
Давай вдвоем немножко отдохнем...
Мы столько были под людским судом,
Что вышнего бояться не пристало.
Да только ли в багетах золотых
Возможно счастье? Нет, оно повсюду:
Меж елей, темнотою калитых,
В морозе, что захватывает дых,
В любом цветке, уже подобном чуду.
Поехали! Не все ли нам равно...
Куда-нибудь в деревню, недалече,
Где не горчит, а радует вино,
Где не гремят под вечер в домино,
Где умных лиц не делают при встрече.
Осточертели вечные ханжи,
Что взглядами, как банными листами,
Картины облепили, витражи;
И облепили слово ржавью лжи;
И преуспели в том, и не устали.
А мы от них давай передохнем
Да примемся за старую работу —
Смешаем ночь с быстробегущим днем
И за рога судьбу свою возьмем,
Не погрешив в работе ни на йоту.
Пускай вслед нам слухи заснут
И каждый будет сплетней приукрашен;
Пускай ханжи нам суд произнесут...
Мы столько раз судимы были тут,
Что божий суд — и то уже не страшен.

* * *

Сближаем страны и народы,
Пускаем шахты и заводы,
Перепахали целину...
А где-нибудь в поселке Устье
Такое встретишь захолустье,
Что просто скажешь: «Ну и ну!»

В кирзу обутая девчонка,
Всегда закрытая лавчонка,
И гам, и пиво у ларька.
Ползет сельсовская телега,
Возница сед, лошадка пега,
И пахнет дождиком...
Тоска!

Спустись к реке, где волны пляшут,
И где удилищами машут
Ребята с раннего утра.
И там, под побережной кручей,
Ты вдруг поймешь, что все же лучше
Тебе живется, чем вчера.

Ведь это так неповторимо,
Когда и пароходы мимо,
И мимо все грузовики.
И волны плещут в желтой пене,
И, как цыгане при обмене,
Руками машут мужики.

Какая русская картина!
Вот на паром взошел детина,
Присвистнул, грохнул каблуком! —
И отвалил паром могучий...
И девушка махала с кручи
Детине славному платком.

У каждого свои заботы,
Свои по жизни повороты,
Своя любовь, свое крыльцо.
Но в эту жизнь взглянуться надо,
И это высшая награда —
Глядеть открыто ей в лицо.

* * *

Рыбными были реки,
Были леса грибными,
Певчими были птицы,
В чаще таился зверь.
Вы посмотрите, люди,
Что происходит с ними,
Даже не происходит —
Произошло теперь.

Выйдешь ли в рощу — голо,
Выйдешь ли к речке — пусто,
Выйдешь ли в поле — вдруг да
Жаворонки звенят?
Но ни единой песней
Вас не подарит утро.
Дождик прошел, а нету
И луговых опят.

Эй, лесовик из детства
Да с бородой козлиной,
Эй, лесовик богатый,
Где же твоя казна?
Только грибник случайный
Ходит с пустой корзиной,
По миру так ходили
В давние времена.

Только тогда по градам,
Только тогда по весям,

Только теперь по рекам
Да по пустым лесам.
Вот и рыбак без рыбы,
Вот и грибник невесел,
Нечему веселиться...
Не веселюсь и сам.

Хочется земляничный
Кустик найти на кочке,
Только холодным лето
Выдалось, как на грех.
Насобираю шишек —
Все же утеша дочек! —
Все, что отец оставил
Ей от своих утех.

* * *

H. Старшинову

С утра на льду торчит тулуп.
Внутри тулупа полуутруп,
Что, не мигая, как иог,
Весь день глядит на поплавок.
Но вот поклевка!
Не спеша
Он тащит тощего ерша
И говорит, скрывая дрожь:
— Хоро-ош!..

* * *

Стоит одинокая хата,
Нехитрый рыбакский приют.
Упругие струи заката
Под самую застrehу бьют.
Но мы веселимся как дети,
Ломая калачик замка.
Ложимся на ветхой повети
И там задаем храпака.
Устало и накрепко спится,
Нам зорьку бы лишь не проспать.
А в хате вздохнет половица,
Хозяина вспомнив опять, —
Уж тот бы поправил крылечко,
Сменил бы бревешки венца...
А эти ночуют, конечно,
Половят и выпьют винца.
О дальних делах потолкуют
Меж рюмкою и балыком,
Но печку, как мать неродную,
Не повеселят огоньком.
Уедут на буднем рассвете,
Не сняв паутин с потолка...
А мы веселимся как дети,
Сгибаю калачик замка.

* * *

Полянка в розовых волнушках,
И я у них на побегушках.

Беру, спины не разгибая,
(Ее на службе так не гнешь!)

Подходит тучка дождевая
И затевает тихий дождь.

Меня погода не тревожит.
Мне одному легко сейчас,

Хотя сановный критик может
Тут усмотреть отрыв от масс.

Однако, если разобраться —
Пускай пример не так уж нов, —

От массы легче оторваться
В толпе, под звон колоколов.

А здесь, почувствовав тревогу
В глухом и неродном бору,

Кричишь: — Ay! Забыл дорогу! —
И слышишь отклики: — Ay! —

Сидишь под елью, как под крышей,
И осень, словно добрый пес,

С какой-то ласкою неслышной
Все тычет в щеку мокрый нос...

* * *

И опять посередине сквера
В час нежаркий, в час почти ночной
Вижу я того пенсионера,
Грузного, с квадратной головой.

Девушки взлетают, как синицы,
Со скамей при виде старика...
Что ему, семейному, не спится?
Со старухой дома не сидится?
Он ворчит на нас издалека,

Наше поведенье разбирает...
А потом, усевшись на скамью,
Свежим лимонадом разбавляет
Кровь свою, несвежую свою.

Чем он постоянно недоволен,
Отчего всегда угрюмый вид?
Может, болен? Говорят, не болен,
Говорят, завидный аппетит.

Слышу я, как громко он вздыхает,
Моды, танцы и порядки хает.
Утешаюсь только лишь одним,
Что его старуха отдыхает,
Целый день отгоревавши с ним.

* * *

Как он был высокомерен в старь!
Басом разговаривал с народом!
Но поник он, словно календарь
За неделю перед Новым годом.

Не зовут в президиум уже,
Молча лишь приветствуют поклоном,
Будто он в домашнем неглиже
Повстречался бывшим подчиненным.

«Ничего, — бодрится, — ничего...
Мы еще поборемся, и крепко...»
Нынче кресло давит на него,
Как когда-то он давил на кресло.

Всем на свете в жизни обойден:
Дружбою, любовью, красотою,
Этого не понимает он
У пустынной злобы под пятою.

Календарь тончает отрывной,
Но ясны итоговые сметы:
Смерть его обходит стороной,
Жизнь его сторонится, как смерти.

* * *

Качнулись под крылом деревья
И вот назад, назад пошли!

И ты от жизни повседневной
Оторван вдруг, как от земли.
Глядишь на все заботы немо —
Сгори они и пропади!
Сейчас с тобою только небо
И осень, осень впереди
С ее красою невеликой,
Неярким солнышком в лесу,
С ее грибами, и брусникой,
И с удочкою на весу.

И там, у тихого теченья,
В зубах травинку теребя,
Ты не ищи ни в чем значенья,
Ищи себя, ищи себя...

* * *

Долга зима, да перемыкали,
Довольно насморком болеть!
Уже с глазами непромытыми
По лесу шастает медведь.
Где мы с тобой гуляли, помнится,
До совершенной темноты,
Теперь гуляет половодица
И гнет покорные кусты.
На неудобства я не сетую,
Весна прекрасна без прикрас!
И перейти на форму летнюю
По зайцам выпущен приказ.
Снега с пригорков словно слизаны.
Светлы носы у воробъят.
В углу сарая санки с лыжами
Невиноватые стоят.
Немало мы поленниц ставили
По осени.
Но наконец
Поленницы и те растаяли...
Ну значит все —
Зиме конец!

ПАМЯТИ
Н. РУБЦОВА

1

Душа поэта всем видна.
И показалась мне она
Сироткой робкой, что одна
В деревне, под дождем, босая,
Дыханьем руки согревая,
Стоит у каждого окна
В простой надежде: кто-нибудь,
Быть может, пустит отдохнуть,
А завтра утром снова в путь...
Куда, зачем, в края какие?
Все вдоль по матушке-России
Сквозь день и сквозь ночную жуть.
Пускай порою на нее
Спускали псов, несли вранье —
Россия — вот ее жилье!
И после мостовой дороги
Речонка ей плескалась в ноги,
Сушило солнышком рванье.
Душа поэта! Ей бы в скит,
Подальше от людских обид.
Но мне рассудок говорит:
Она б и там все то же пела,
Она б и там за всех болела,
Как на небе за всех болит.

2

Не нарушим твоей тишины,
Не замутим прозрачной протоки,
Чтобы явственней были слышны

Нам твои голубиные строки.
И грибов твоих не оберем,
И синиц твоих не испугаем.
Дышим дружеским старым добром
И на новое не уповаляем.
Ты средь этих покатых полей
Жил с душою, что легче котомки.
Чем ты сам становилсяся светлей,
Тем плотней обступали потемки.
Видно, боль наша не отболит,
Хоть и ходим с глазами сухими.
Негасимой свечою стоит
Светлый храм вологодской Софии.

* * *

И перед начальством не робею,
И вокруг надежные друзья,
И живу неплохо, как умею...
Только много ли умею я?

И от этой мысли снова сумять
Залетает в душу, как в окно...
Хорошо, коль есть над чем подумать,
Это ведь не каждому дано.

* * *

Лечу, гонимый ветром и судьбою.
Захватывает дух на высоте!
И родина моя передо мною
Во всей ее красе и чистоте.
До самого последнего поклона
Я буду верить в лучшую звезду.
Да, я крылат, крылат, как семя клена,
И я не знаю, где я упаду,
Каким песком мое замоет имя,
Какой меня пургою занесет...
Судьба и ветер...
С ними, только с ними!
Свободный продолжается полет.

* * *

Лепечет дождь в открытое окно,
Что прокатилось, кончилось веселье
И превратилось летнее вино
В ненастное осеннее похмелье.
Деревья с непокрытой головой
В мое окно заглядывают снова.
И мир живой, верней — полуживой,
Зовет меня к себе полуживого.
Надену плащ и кепку натяну,
И с крохотной надеждой на спасенье
Уеду в бор и встану под сосну,
Как верующий под благословенье.
Да, в мире все живут своей бедой —
Открытие, что сделано не нами.
Лесные раны залиты смолой,
Людские раны залиты слезами.
И даже здесь, в протяжной тишине,
Осевшей на брусничники и хвою,
Деревьев шум напоминает мне
О ветре над моей головою...

* * *

Днем солнца нет, а ночью нет луны.
И желтая под фонарями выюга.
Давно не слышно голоса жены,
Давно не видно весточки от друга.

Ты хочешь снова света и тепла?
Тебе уже одной работы мало?
Но жизнь такая у тебя была...
Чего же в ней тебе недоставало?

Не этой ли кромешной кутерьмы,
Чей свист порой закладывает уши...
Куда причудам матушки-зимы
До тех, что позволяют наши души!

Бессонницей глаза воспалены,
И жизнь в тебе, как тонкая рябина.
А кто-то смотрит там, со стороны:
Февраль...
Метель...
Обычная картина.

* * *

Вад. Кузнецову

Столько зелени на островах,
Все так ягодно, рыбно и ново,
Что посмотришь и вымолвишь: — Ах! —
И добавишь цензурное слово.
Сам, бывало, большой говорун,
Убегу от ребячьего крика
И верхом оседлаю валун,
Что замшел, как столетний владыка.
Погляжу на родные края,
Где в березах наметилась просинь.
Вижу лето из августа я,
Вижу я и заветную осень.
До чего хорошо на земле!
Жил бы вечно, всему удивляясь,
В бескорыстном купаясь тепле,
Бескорыстной водой умываясь,
Собирая чернику в лесах,
Окунишек пугая негрозно...
Но посмотришь и вымолвишь: — Ах! —
Как все просто и как невозможно.

* * *

Опять,
Опять весну припомнил прежнюю,
Лесные тропы, тишину —
Опять!
Но все труднее стало жить надеждою
И самому надежды подавать.

Припомнил дом
С цветущую рябиную,
Припомнил все, что позабыл навек.
Дыши,
Дыши на уголек рубиновый,
На уголек надежды,
Человек!

* * *

Передо мною чистая страница,
Но не свяжу в волнении двух слов.
Давно все спят, и только мне не спится,
Мой час настал — и это ноль часов.
Едва глаза, как чуткий зверь, прикрою,
Опять, угрюм, встаю из-за стола.
Да, черный день сегодня прожит мною,
Так, может, ночка выпадет светла!
В который раз испытываю муку,
Кляну себя во слабости своей,
Что снова не тому я подал руку,
Кто в этот миг нуждался, может, в ней.
Не надо встреч с ветхозаветным адом,
Довольно вспомнить о минувшем дне:
Мне показалось, промелькнули рядом
Твои глаза в автобусном окне.
Они глядели с тайной укоризной...
И вспомнил я забытый мною кров!
И снова день заканчиваю тризной,
Заканчиваю тризной в ноль часов.
Мне жизнь не льет за воротник елею.
Но, подчиняясь здравому уму,
Я на ошибках собственных взрослею,
Чужие не научат ничему.
Дневная перевернута страница.
Мрак заоконный исчерна-лилов.
Давно все спят, и только мне не спится,
Мне дальше жить — и жить с ноля часов.

* * *

Душа, словно птица, пуглива.
Не целые дни напролет,
А вечером здесь, у обрыва,
Короткое время поет.

Единственно, бедная, рада,
Забыв про еду и питье,
Что скрыто от жадного взгляда
Гнездо потайное ее.

Шумят над землею березы,
Простудный предчувствуя дождь.
И копятся, копятся слезы,
А плачешь — и, значит, живешь.

Душа потому и пуглива,
Что тайно и трудно живет.
Но вечером здесь, у обрыва,
Короткое время поет.

* * *

Стужа на душе и непогода,
И ничей не радует привет.
Словно на причале парохода
Ночью ждешь,
А парохода нет.
Словно друга лучшего обидел
И в сердцах отправил за порог.
Словно я беду его предвидел
Да предотвратить ее не мог.
Хмуро, знобко, как в сыром подвале!
Но порой полезны сквозняки,
Чтобы живу душу не заткали
Сытого довольства пауки.
И хотя бодришься — экий скептик! —
Все равно болит бессонный дух!
Лишь один спасает антисептик —
Слово,
Слово, сказанное вслух.
Сказанное,
Но не в оправданье,
Не для заполненья пустоты,
Слово,
Что явилось честной данью
Жизни той,
Которой болен ты.

* * *

Ах, как он прыгал по опушке сада!
Но сразу после лучшего прыжка
Два равноценно гибельных заряда
Ему пронзили теплые бока.

И хмурые стрелки сошлись, набычясь,
К другому каждый злобы не тая.

— Бери, коли попал... твоя добыча...

— Да нет, бери уж сам, она твоя... —
Один промолвил: — Шкурка-то пропала... —

Другой в ответ: — Теперь в ней проку нет... —
Потом они расстались без скандала,

Снежок занес прохладной встречи след.

И снег летел до сумрака ночного,
А заяц оставался недвижим.

И снег его засыпал, как родного,

И сделал холмик, словно над родным.

* * *

И вот пришла пора грибная!
Отныне, отдыха не зная,
Березняком да сосняком.
С корзиною да посошком.
Как мирный леший, без пути
Иду — абы куда идти.
Да что же! Ведь и это счастье:
Лес тихий, теплое ненастье.
Скрипит в руке перевесло,
И человека понесло!
И вот я бью челом грибу,
Благодаря свою судьбу.
Уколы ласковые хвои,
Они спасут от всякой хвори.
Иду по чаще, прямиком,
Лес мне, а лесу я знаком.
И мне денек порою мал!
Что значит плохо-то живал...

* * *

Дите уснуть не хочет,
Дите не хочет спать.
Поскрипывает очеп,
Подремывает мать.
Храпит отец за дверью...
Зато не дремлет кот,
Ему не спится, зверю, —
Охотиться черед.
Он хвост несет, как свечку,
Гуляет не спеша
Да знай косит на печку,
Где я лежу, шурша.
Глаза кошачьи шают,
Как угольки, во тьме,
Мол, что они мешают,
Мышей пугают мне?
Мол, экие напасти!
Придется до поры
Свои упрятать снасти
В пушистые чехлы...

* * *

Таблетками накормлен до отвала.
Куда уж как невеселы дела!
Нередко мне болезнь бои давала,
Но приступом на этот раз пошла.
Унесены женою папиросы,
И запрещен врачами всякий труд.
А тем не стоит задавать вопросы,
Когда они уже не задают.
Не малое дитя, я понимаю...
Но выкарабкаться хочу опять...
И я сейчас такое вспоминаю,
Что вовсе не хотел бы вспоминать.
Да что! Не начинают жизнь сначала,
Когда года, как воды, протекли,
Когда огни последнего причала
Уже мерцают где-то невдали.
Какая уйма времени убита
На пустяки! И вот теперь стою
Не то что у разбитого корыта,
Но чувствую, что не бывать в раю.
А ведь хотелось жить начать сначала,
Сменить давно осточертивший быт!
Но совесть долго мучилась, молчала,
Теперь вот встрепенулась, закричала,
Да кто услышит, кто ее простит...

* * *

Давно ли здесь — скажи на милость! —
Горела жесткая листва,
Но как погода изменилась,
Как облетели дерева!

И то, что рдело и сияло,
Чем любовались мы, смеясь,
Теперь и слепо и устало
Ногами втаптываем в грязь.

* * *

Иду в кромешной мгле, — а путь далек.
Сырой ноябрьский ветер валит с ног,
Но все ж я подвигаюсь понемногу.
И вот мелькнул заветный огонек!
О если бы я мог, о если б мог
Забыть сюда, забыть к нему дорогу...

Прошла машина, тяжело дыша.
Осела пыль — и прояснились дали.
Куда спешить и жать на все педали?
Угомонись, веселая душа!
Стоит такой божественный закат,
Раздольно так, и высоко пылает,
И облака лучами подпирает,
Что я закату, словно другу, рад.
И вообще идется мне легко!
То под кустом увижу медуницу,
А то вспугну загадочную птицу
И взглядом провожаю далеко.
Куда спешить? — и я домой не рвусь.
Я предаюсь нежданному покою.
Запомнись же, запомнись мне такою,
Вечерняя и дорогая Русь!
А ты, душа, притихни поскорей,
Угомонись и полюби дорогу,
Что к лесу подается понемногу,
Как память сердца к юности моей.

* * *

Листвы караваны
За осенью следом
По плесам широким
Тянутся.
Лесные поляны
Покроются снегом,
А наши следы
Останутся.

Мы в речке купались,
Мы сено косили,
Поставили скирды
Толстые.
Грибные дожди
По ночам моросили,
Косить-то с утра —
Удовольствие!

И вот откупались,
И вот откосили.
Что в будущем с нами
Станется?
Листвы караваны
По речкам России,
По плесам широким
Тянутся.

Дровишки подсохли
И жито дожато —

Сиди, не слезай
С лавочки!
Но лета крылатого
Все-таки жалко,
Особо
Последней ласточки.

Уже пожелтела,
Пожухла отава,
Свалялась
От первого инея.
Земля притомилась,
Остыла, устала...
Передохни,
Милая!

* * *

Судьба ко мне явила милость
Любить поля твои и тиши.
Но как чуднó ты изменилась,
Россия милая!
И лишь
Лесов осеннее сиротство,
Тоска, на лужах дождь рябой, —
Да вот и все, пожалуй, сходство
России новой и былой.

Небеса с одной-единой тучкой.
Как я ждал погожего денька!
Сгрудились опята тесной кучкой
На покатой лысине пенька.
Отварю в водице подсоленной,
Угощу домашних, воротясь.
В тишине прохладной, просмоленной
Пошатаюсь, как удельный князь.
В этих чистых елках и осинах
Среднерусский несторовский вид:
Пауки летят на паутинах,
И листва багровая летит.
Шают кроны в шелесте и шуме...
На душе в такие вечера
Нету места одинокой думе,
Что придет угрюмая пора,
Что притихнет скоро дикий голубь
Под моим дощатым чердаком,
Что во льду едва прорубишь прорубь,
Как метель залижет языком.
Это после... А пока прогнозы
Нам пророчат счастье и покой.
И плывут упругие стрекозы
Над похолодалою землей.
С каждым днем быстрее под закаты
Стаями уходят журавли,
И сверкают листья, как заплаты,
На сиротском платьице земли.

* * *

B. Горынцеву

Темна осенняя вода.
Пусты осенние боры.
Никто не ставит невода.
Никто не правит топоры.
Лишь перекликнутся: — Ay! —
Нахохленные грибники.
Но сколь ни вороши траву,
А отошли боровики.
Что говорить — боровики...
Взгляни на ближнее село:
Его гулянья у реки,
Костры, нарядные платки,
Ну, словом, красные деньки —
Все миновало, отошло.
Придет угрюмая зима,
Когда не выйдешь из ворот,
По брови занесет дома,
С ума метелями сведет.
И пусть уже пусты боры,
И пусть вода в реке темна,
Однако с утренней поры
Уйду из дому допоздна.
И пусть последний боровик,
И пусть последний окунек
Продлит на миг, еще на миг
Осенний срок, последний срок.

Уют деревенского крова:
Лежим на просторной печи,
И только за стенкой корова
Протяжно вздыхает в ночи.
И только гудок парохода
Пронзает ненастные сны,
И ветром шумит непогода,
И пену сбивает с волны.
Но стены смолистые эти
Да печки жилое тепло
Душе говорят, что на свете
Не все с непогодой прошло.
И друга живое дыханье,
И близкий на окнах рассвет
Упрямо диктуют сознанию,
Что жизнь не окончена, нет!
Что тучи умчатся за ветром,
И выяснит дали мороз,
И выпадет первым приветом
Снег, ясноколючий до слез.
Ведь радости же неминучи,
Как вот неминучи пока
И эти простынившие тучи,
И хриплая нота гудка...

И хотел бы в деревню родную,
Да пустили ее на распил.
И хотел бы запеть удалую,
Да старинный мотив позабыл.
Голо все, словно после набега
Золотой зачумленной орды.
Лишиь былинка торчит из-под снега
Там, где прежде стояли сады.
Только ветер гуляет над полем,
Закатившийся в наши края.
Он, конечно, судьбою доволен,
Бездомовный, как, впрочем, и я.
Мне бы тоже за ветром умчаться,
Бросить эти края — и умчать! —
Чем былинкой над снегом качаться,
Чем пеньком на дороге торчать.
Только сердце навеки пристыло
К той земле, что магниту сродни,
Где и летом нечасто гостило
Красно солнце в холодные дни,
Где теперь заметает дороги —
Скоро будет совсем не пройти! —
И откуда застывшие ноги
Все не могут меня унести...

* * *

И до сих пор не слаб в коленках,
А раньше, милые друзья,
Как пионер на переменку,
Так выбегал из дома я.
Я знал ответ на все вопросы
Сознания и бытия.
— Не хмурь бровей! Не вешай носа! —
Советовал, бывало, я.
Но время ль сложное настало,
А может, я глупее стал,
Но я слезаю с пьедестала
И ухожу за пьедестал.
Теперь среди забот о быте
Все чаще размышляю я:
По мирной ли летит орбите
Земля зеленая моя?
И что в Америке сказали?
И что у нас произнесли?
Земля летит в слепые дали!
Да не сошла б она с оси!
И если друг светловолосый
Советует от простоты:
— Не хмурь бровей! Не вешай носа! —
Я говорю: — Иди-ка ты...

Опять взошла, взошла звезда вечерняя
И под крыло взяла мои края.
До станции какого назначения
Летит без остановки жизнь моя?
Друзья мои, до шуток ли, до смеха ли?
Подсчитывать пора — и не рубли...
Учебники прошли и жизнь проехали,
Так что же мы в итоге привезли?
В пыли дорожной годы наши таяли,
И без ответа на устах немых:
Когда и где нас девушки оставили?
Когда и где мы оставляли их?
С какой поры отстали песни бойкие,
С какой поры негромкие поем,
И жесткими довольствуемся койками,
И малым согреваемся теплом?
С какой поры над этими равнинами,
Как жаворонок, плещется душа,
Над этими сырьими яровинами,
Над этим костерком у шалаша?
Забылися былые потрясения,
Но пред глазами все стоит ольха,
Что рада бы от паводка весеннего
Чуть отступить, подальше от греха.
Она стоит у самого течения,
Ей моет корни чистая струя,
И всходит над ольхой звезда вечерняя
И под крыло берет мои края.

Породистые — не подыщешь слова!
Как объясняют конюхи — кровя...
Наверно, родословная иного
Древней, чем родословная моя.

Они приходу нашему не рады,
Косят глазами, шею гнут дугой.
У них у всех медали и награды,
А у меня ни той и ни другой.

Но я просил бы их не задаваться!
Я видывал получше жеребцов.
Мне приходилось вместе с ними браться
За воз один, но с двух его концов.

Они, конечно, были поскромнее,
Простые работяги, а не львы.
Они стирали хомутами шеи
Лишь для того, чтоб сыты были вы.

И потому — прощайте, дорогие!
Прижмите ваши пышные хвосты.
Нам и лошадки дороги другие,
Да и свое понятье красоты.

Среди берез, на берегу реки,
Лужайки каблуками выбивая,
Играя, озоря, выпивая,
Опустошая местные ларьки,
Среди берез, на берегу реки
Гуляет праздник, устали не зная.
Улыбкой доброй выгнута гармонь.
А гармонист басами все, басами!
И ноги в такт притопывают сами,
И люди, словно ночью на огонь,
Идут на ошалелую гармонь,
И пляшет дед с намокшими усами.
Пускай попляшет! Разве это грех
Народу отдохнуть перед страдою,
Пред пылью сенокосною седою?
Пускай народ гуляет без помех
И даже выпьет! Разве это грех
Такой веселой праздничной порою?
Среди берез, на берегу реки
За песней песня да за словом слово
И даже крики! Что же тут такого? —
Поспорили немного мужики...
Среди берез, на берегу реки,
Здесь ничего не может быть плохого.
Здесь девушки плетут себе венки,
Ромашки и купальницы срывают.
А малые ребята затевают
Бежать куда-то наперегонки...
И облака проходят высоки
И солнца ни на миг не застилают.

Осиновые крупные листы
Слетают на разбитую дорогу,
Но небеса светлеют понемногу —
Они ночами, как всегда, чисты.

За окнами уже огонь дрожит.
Такая грязь! — но рою я картошку.
Сосед дает совет — мол, понемножку...
Картошка за тобой не побежит.

Мне спину окатил девятый пот,
А руки ноют — так земля остыла.
Сегодня мне по горло напостыла
Пора осенне-полевых работ.

Сейчас бы чаю крепкого глоток!
А вот и мать. И, правда, кличет к чаю...
Устало репродуктор выключаю.
Смятенен сон и часто неглубок.

Во сне дожди протяжны и густы,
Во сне из глины трудно вынуть ногу...
За окнами на вязкую дорогу
Светло летят багряные листы.

* * *

Средь недописанных строчек
Посередине дня
Что же ты сжалась в комочек,
Бедная совесть моя?

Может, опять проглядели,
Как за пустой суетой
Мимо любви пролетели
Наши недели с тобой?

Что же ты, милая, плачешь?
Плакать еще погодим.
Может, порезала пальчик
Словом недобрый каким?

Слов этих было немало
В прежнее время у нас.
Глупая, все заживало
Да заживет и сейчас.

Плохо утешил, впрочем...
Но не оставь меня
Средь недописанных строчек
Посередине дня.

Ах, опять на равнинах безбрежных,
Посмотри, как пошли и пошли
Пузырьки одуванчиков нежных
Из глубин изумрудной земли.
И затейливей северных кружев,
И волшебнее сказки иной
Золотистым узором калужниц
Оторочены речки весной.
На полянке средь птичьего крика —
Не научена счастье скрывать —
Пятикрыло цветет земляника
И готовится ягодой стать.
Разве хватит обычного сердца,
Чтобы выдержать ласковый взгляд?
Голубыми глазами младенца
Нам восслед незабудки глядят.
И, султанами пышно качая
Да на августовском ветру,
Зоревые цветы иван-чая
Поджигают местами листву.
Это все нам недаром дается —
И луга, и святые цветы.
Это все, что в России зовется
Человеческим счастьем!
И ты
Проброди по лугам и полянам,
Полежи у земли на груди.
И не тешься обычным обманом,

Будто лучший твой день впереди.
Может, жизненный путь завершая
(Хоть и долгих желаю годков),
Не захочешь ни ада, ни рая,
А холщовых, во ржи, васильков...

* * *

Горька у старика судьбина!
А все проклятая война...
Дала медали, ордена,
Но отняла жену и сына
И навсегда лишила сна.

Выходит ночью на крылечко,
Потом достанет самосад,
И долго дымные колечки
Седыми нимбами стоят.

На таежной станции цыгане
Закатились табором в вагон.
Сразу, как в вечернем ресторане,
Шум и гам пошел со всех сторон.

Да, народец пестрый... даже странный...
Непонятно, где зимует он?
Пролетело полдесятка станций —
Покидают табором вагон.

И опять палатки ставят в поле,
Где-нибудь повыше над рекой...
Что у них за тяга к дикой воле?
Мы давно забыли о такой.

* *

Выйду в лес осенний до тумана
И сниму кепчонку с головы.
Ой да не одна сквозная рана
Синевою хлещет из листвы!
Ой да скоро зашумят метели...
Лес привычен к ним. Но жалко птах,
Певчих, тех, что нынче улетели,
Малых, тех, что нянчил на руках.

Полжизни прожил, не умея жить.
Со мной всегда семь пятниц на неделе!
Мне предлагают опыт одолжить
Те, что имеют опыт в этом деле.

Один ходить умеет по кривой,
Другой полезные знакомства копит.
Но как непросто быть самим собой,
Перенимая столь холодный опыт.

Запоминаю, слушаю, молчу,
Хотя наука тugo подается.
А сам людей чему я научу,
Коль буду пить из всякого колодца?

Живая жизнь — она не такова!
Она вольна, как заовинный ветер!
А опыт виснет, словно жернова,
На шее тех, кто знает все на свете.

Да и чего с меня, конечно, взять?
Мне этот опыт тягостен и скучен.
Пойду-ка я куда-нибудь гулять,
Всему учен, но не всему научен.

* * *

В лесах разбитые проселки.
Не ходят даже трактора.
По ним гуляют разве волки!
Ноябрь. Угрюмая пора.

Есть, правда, клюква на болоте...
Но мне бывает в дровяник
И то порою неохота
Из дома выбежать на миг.

Но погоди, когда пристынет
Да первый выпадет снежок,
Тогда меня и след простынет —
Сию минуту за порог.

А только выйдешь за ворота,
Хоть гимны сразу же строчи:
Сияет на снегу ворона,
Как головешка из печи!

* * *

Минули нас лихие времена.
Нам жить не довелось на белом свете,
Когда дымами стлалась по планете
Та, мировая, горькая война...
Минули нас лихие времена.
О только бы не омрачались эти!

Снова играет полночная выюга,
Память усталую расшевеля,
Но не сойду я, как думают, с круга,
Рядом со мною родная земля.

Мне возвратятся и чистые слезы
Средь тишиной напоенных полей,
Не возвратятся лишь наши березы,
Бабушке не возвратиться моей.

В сердце навечно, как белые храмы,
Эти березы стоят у крыльца...
Мне возвратится улыбка мамы,
Мне возвратится голос отца.

Надо ль глядеть в запредельные дали?
С милой землею решаю вдвоем:
Если уж молодость переживали,
Старость-то как-нибудь переживем.

Снова играет полночная выюга,
Память усталую расшевеля.
И не схожу я, как думают, с круга,
А возвращаюсь на круги своя.

* *

Зачем стихи и прозу ссорить?
Ленива и прекрасна Сороть!
Купанье утром — благодать!
Но баночка из-под помады —
Его чернильница — опять
Зовет искасть другой отрады.

Какая глупость: «муки слова».
Есть муки автора! — и снова
Закрыт надежно кабинет,
Блистаает чистая бумага,
И сладкая щемит отвага...
Его сегодня дома нет.

Он кончил нынче «Годунова»...
Строка последняя готова.
— Благодарю тебя, творец! —
Он безупречен, дерзок, честен,
И грозовым звучит предвестьем:
«Народ безмолвствует.
Конец».

* * *

Дела совсем не тяготят.
Тревожит собственная леность.
Какая, господи, нелепость, —
Бываю праздникам не рад!
Среди гуляющих гостей,
Разноголосого застолья
Черты тревожного застоя
Воспринимаются острой.
Одни накурят и уйдут.
Пора приняться мне за дело!
Звонок звенит осторвлено —
Уже другие тут как тут.
— О чем горюешь, старина? —
И тон участливый; и снова
За часом час, за словом слово, —
Сидят и курят допоздна.
А ты, любимая, за что
Мой день усталый добиваешь?
Опять билеты добываешь,
И мы берем с тобой авто...
На несколькоочных минут
Присяду пред черновиками,
Но голыми не взять руками
То, что осадою берут.

Далекие прощальные зарницы —
То лета уходящего привет...
Над гнездами остуженными птицы
Вчера кружились, а сегодня нет.

Как поглядишь на скошенное поле
Да как примеришь к собственной судьбе! —
И побредешь к соседу поневоле,
Так сделается вдруг не по себе..

За куревом завяжется беседа,
Но говорим несложно, как всегда:
— Пожалуй, до весны не хватит сена...
— Ох, рано задождило ныне...
— Да...

И замолкаем, словно виноваты,
И хмуро смотрим в щели половиц...
Людей сближают общие утраты,
Как холода сбивают в стаи птиц.

Люблю ночной порой не зажигать огня...
Как будто сон цветной, плывут передо мною
Места родимые не в ярком свете дня,
Места родимые под белою луною.
Туман с реки, туман плывет на берега.
Не дни, а вечера пока поостывали.
Под белою луной лишь редкие стога
В тумане том едва всплывают островами,
Напоминая мне июльский сенокос,
И жадных оводов, и страх пред каждой тучей.
Но кончилась, прошла пора полночных гроз —
Ни тени на пути, пути звезды падучей.
Доволен сельский люд: «Управились, дал бог...
Прокормим до весны... Не до большого
жиру...»

А новая страда уже торопит срок,
И птицы на токах предчувствуют поживу.
Деревня тихо спит. Собаки даже спят,
Незлобные, забыв про полые ворота.
Полночных деревень незыблемый уклад...
Но солнце где-то там дошло до поворота —
И взору столько вдруг является чудес!
На месте быстрой речки — гниль и сырость,
На месте пахоты — ольховый черный лес.
Куда и почему все кануло и скрылось?
И я задумываюсь, голову склоня...
Как будто сон цветной, плывут передо мною
Места родимые не в ясном цвете дня,
Места родимые под белою луною.

Покрыты сплавом берега реки.
Над омутами наклонились ели.
И устилают илистые мели
Тяжелые тупые тополяки.

А мы-то шли сюда издалека!
А как мы об ушице-то мечтали!
Чапрасно только снасти размотали
Да натаскали дров для костерка,

И кто сказал, что рыба здесь берет!
Пришла пора подсчитывать потери:
Повывелись доверчивые звери,
Зот так и до людей дойдет черед.

Чо я сейчас живу другой бедой...
И долгими дорожными часами
Всё та река стоит перед глазами,
Как в страшной сказке, с мертвою водой.

Проснулся на раннем рассвете
В какой-то дыре, в конуре.
Еще за окошками лето,
Но осень на календаре.

Гудки полетели с вокзала
От разных железных систем.
Ох рано ты, солнышко, встало,
Куда торопиться, зачем?

Объявят по радио восемь —
И мне на работу. А ты?
Куда же ты, глядя на осень,
Где тучи толсты и густы.

Представишь — и холод по коже!
Хотя, напрямик говоря,
И август-то выдался — тоже...
И дожили до сентября!

Но вот, отмывая дремоту,
Я лезу под кран с головой.
И все. Ухожу на работу.
На время прощаюсь с тобой.

Люди вынули зимние рамы.
Нету сна никому от грачей.
И, наверное, дома у мамы
Под порожек пробился ручей.
И, наверное, маме не спится,
Ночь подходит уже под конец...
Если спится, то что же ей снится?
Хорошо б не покойный отец,
Хорошо б не беспутные дети...
Одного только хочется мне,
Чтоб подумалось ей на рассвете
О грядущем сегодня письме.
Чтобы не было ей одиноко,
И, участие к ней сохрани,
Я хочу, чтоб у маминых окон
Кто-нибудь постоял за меня.
Дорогая моя, золотая,
Были б крылья — к тебе прилетел
Вслед за этой грачиною стаей
От бессонниц, от книжек и дел.
Но не в слове тебе утешенье.
Надо просто приехать, обнять
И попробовать с чаем варенье,
Двор весенний расчистить опять.
Как бы птицы тогда ни кричали —
Сны бы светлые жили в избе...
А пока мне не спится ночами...
Как-то, милая, спится тебе?

Памяти отца

Все увидел: и горе, и негу,
И поминки, и свадебный бал.
И бродил я по первому снегу,
И цветы луговые сминал.
Было все: и пунцовые дали,
И ветров недорезанных рев.
Нас, мальчишек, отцы подымали,
Нынче
Мы
Опускаем
Отцов.
Но, сутуля мосластые плечи,
Все равно подымаем лицо,
Потому что навстречу, навстречу
Наши дети бегут на крыльце.
И при этом — да что многословить! —
Всяк о жизни подумает сам,
Чтобы детям ее уготовить
Лучше,
Чем уготована нам.

Ушла жена от мужика,
Встречаются молодки!
И вот один, и вот тоска,
И вот бутылка водки.
Потом пошел трясти деньгой
Направо и налево!
Он бабы не хотел другой,
Его святое дело.
Потом покинул свой приют,
Ища приюта в мире.
Ему уже в глаза плюют
Соседи по квартире.
А он угрюм,
А он молчит,
Потухла папироса.
Лишь собутыльникам ворчит:
— С откоса, так с откоса... —
И что ему двадцатый век,
Печатная бумага!
Вот погибает человек,
Обычный работяга.
И как помочь?
И чем помочь?
Он допивает водку
И тяжело уходит в ночь,
Поспать в чужую лодку.
Он спит там или же не спит,
Кто в этом разберется?
Дрожит звезда над ним, дрожит,
Того гляди
Сорвется.

* * *

Опять накручено-наверчено
Упреков, жестов и обид.
Ах, как морозно, ах, как ветreno,
И крыша ржавая гремит.

И с головою вроде глобуса,
Такой же круглой и пустой,
Стою с народом, жду автобуса,
Качаю этой головой.

Бежит собака беспородная,
Продрогшая, хотя в шерсти.
И отделяюсь от народа я,
Как будто есть куда пойти.

Как будто есть такие пристани,
Где все поймут и все простят,
Как будто на морозе листьями
Березоньки зашелестят.

Былое счастье не воротится,
Сияло лето, да прошло.
И только тень за мной волочится,
Как перебитое крыло.

* * *

Ах, милая моя! Да я бы,
Будь рыцарем — не мужиком,
То посвящал тебе не ямбы,
Жизнь посвятил бы целиком.

Однако жизнь такая штука,
Ее на все хватить должно:
Работа, заседанья, скука,
Друзья, приятели, вино.

Моя нескромная особа
Немного б стоила, когда
Не эта каторга до гроба
Порою сладкого труда.

Но вижу — ты уже в обиде,
Что я не безраздельно твой,
И даже в неспортивном виде
Являюсь иногда домой.

Не ахаю, а что тут ахать!
И ты не ахай — постынь!
Конечно, жизнь моя не сахар,
А без тебя была б — полынь.

И потому давай не будем
Корить друг друга напоказ
И делать жизнь веселой людям,
Которым весело без нас.

* * *

Надень-ка валенки и белый полушалок,
Пойдем гулять по роще, за реку.
Снежку нападало из тучи обветшалой,
Нападало скрипучего снежку.
Пока в печи потрескивают плахи,
Пойдем смотреть разводья на реке
И воздух пить, что так ядрено пахнет
В поеживающемся сосняке.
И на морозце легком, а не лютом,
Желая удивить собою нас,
Проткнет сосенка неокрепшим клювом,
Как скорлупу, перестоялый наст.
Под гомон в чаще, гомон оголтелый
Подумается, но не вслух, а всласть:
«А не грачи ли это прилетели,
А не весна ли это началась?»

* * *

За воротник росой кропило.
Часовенки чернела тень.
Признаться, страшновато было
Ломать на кладбище сирень.

Она угарная стояла,
Покачивалась в тишине,
Цветами белыми сгорала
И обжигала руки мне.

А я, немного вороватый,
Ломал ее совсем не зря,
Влюбленный и невиноватый,
Что там ломаю, где нельзя.

* * *

Никто не умер от письма.
Я тоже не умру.
Давным-давно стоит зима,
Морозно на ветру.

Откуда долетает звон,
Не разберу никак.
Протопал дальше почтальон,
Улыбчивый добряк.

И так сияет вся земля,
Что боже упаси!
Спасибо, милая моя,
Спасибо же, спаси...

* * *

Замечаешь, наше лето стало краше.
Даже ночи стали краше над селом.
Завтра встанем и потопаем пораньше
По малинникам скрипеть перевеслом.
Постарее поищи сегодня платье,
Утром — только засветает — разбужу.
Проведу тебя и пустошью и гатью,
Не устанешь — и на вырубки свожу.
Там, на вырубках, не выбрана малина,
Вся тяжелая и темная подряд.
Только б головы малина не сморила,
От малины очень головы болят.
Видишь, неба потемнела половина,
А закатная присела полоса.
Надо спать. Пускай приснятся и малина,
И другие остальные чудеса.

* * *

Нарву цветов у старой школы,
Проникнув тихо в палисад.
Хотя и так уж клумбы голы
Стараньем тутовых ребят.
За сотню метров огибая
Все замечающих старух,
У дранью крытого сарай
Переведу спокойно дух.
Предвидя разные вопросы,
В уме ответы затвержу.
На дымные седые росы,
Поеживаясь, погляжу.
И вдруг припомню, как четыре,
А может, пять годов назад
Всё так же дергачи частили,
Как и теперь они частят.
И так же холодило дали,
И так же рядышком со мной
Цветы поникшие лежали,
Но сорванные для другой.

Язык любви, язык цветов,
Забытый людом,
Он, словно легкий шум шагов,
Когда ты ждешь и ждать готов, —
Сияет чудом.

Моя любимая, постой,
Здесь все нам радо.
Пойдем же в этот парк пустой,
И здесь на лавочке простой
Спешить не надо.

Пускай проходят облака
В вечернем свете.
На миг да будет жизнь легка,
Светла, чиста, как жизнь цветка
В твоем букете.

* * *

Вечеровые птахи отпели.
Тени легли вкось.
И задремал я под шепоты ели...
В детстве малиновом, в колыбели
Мне так легко спалось.
Мама в ночи колыбель качала:
— Спи-ка, сыночек мой... —
Песни текли без конца и начала,
Каждую песню она венчала
Медленным «о-о-ой...».
Тени по стенам тихо метались.
Лампы огонь гас.
Что же мне снилось, что же мечталось —
В яблоках конь ли, хлеба ли малость...
Разве вспомнишь сейчас!
Маминых песен не помню ни слова,
Только напев живет,
Тот, что сыновним песням основа...
Воспоминаний соломинка снова
Мимо меня плывет.

Здесь ты жила. Вот здесь росли цветы,
Где нынче лебеда с чертополохом.
Твой дом вспоминал всегда со вздохом
И ночи наши вспоминал.

А ты?

Вернулся я. Лишь галка на трубе
Меня своим приветствовала криком.
И в этом запустении великом
Мне стало вдруг совсем не по себе.
Сиреневые тощие кусты.

Давно ль, давно ль, полны красы и силы,
Такие гроздья к окнам подносили,
Что я пьянял от запаха.

А ты?

Да стоит ли мне душу бередить
И в комнаты входить совсем нагие?
Дом спит в какой-то странной летаргии,
Мне одному его не разбудить.
Зато проснулись прежние мечты,
Те, что, казалось, в сердце потонули;
Давно, давно они меня тянули
Сюда прийти... И я пришел.

А ты?

Недалекой бедою грозят лиловатые тучи.
Сводит низкие брови во гневе глухом
небосвод!

А дорога все круче, а дорога все круче и
круче,
Даже скаты дымятся, когда пробуксовка идет.
И река, и леса, и цветастая даль сенокоса
Будут вечно со мной и мое не забудут лицо.
Только ты, только ты, синеглаза и русоволоса,
Не простилась со мной и не вышла за мной
на крыльцо.

Как теперь поглядишься в знакомый ручей
родниковый?

Не остынет лица ослабевшая в лето струя.
Надевай же платок, кем-то за полночь
даренный, новый,
В нем тебя не узнать, не узнал бы, конечно, и я.
Как теперь ты пройдешь по заросшим
черемухой склонам,
Там, где эхо мое еще плавает между ветвей.
Если речь о судьбе, как о чем-то
предопределенном,
То предвижу свою и уже не предвижу твоей.
Что сутулит теперь от бессонниц усталые
плечи,

Здесь в чужой стороне на наткнусь на
приветливый взгляд.
Позади перевал. А под гору, конечно же,
легче
Мне с шофером лететь, не оглядываясь назад.

6 С. Чухин

* * *

На сходнях старого причала,
Достав из сумочки билет,
Ты милосердно обещала
Со мной увидеться...
Но нет,
Не надо этого свиданья
Оно — известно наперед —
Как та копейка подаянья,
Что руку нищего прожжет...

* * *

О милая! Наш миг неповторим.
Вся наша ночь с ее рассветной мукой,
Она пройдет, растает, словно дым, —
Живи разлукой.

И над рекой два робких огонька,
И матовые ивы над излукой,
Неповторимо все, как облака, —
Живи разлукой.

Не жди прихода нового зари,
Что было нашей юности наукой.
Поговори со мной, поговори —
Живи разлукой.

Смотри, как небо рассекла звезда
Над всем земным покоем и разрухой.
И ночь любви дороже нам, когда
Живешь разлукой.

* * *

Да, подошли такие годы,
Стою на новом рубеже.
С трудом слежу за сменой моды,
Друзья бессменные уже.
Еще с противниками споря,
Взрываюсь! — но всего на миг...
Взрослеют все-таки от горя,
Не от дебатов или книг.
И я, на сердце чуя стужу,
Не ожидая ясных дней,
Морозом выжатую душу
Оттаиваю меж друзей,
Где пополам у нас, как прежде,
Вода, одежда и еда.
Опять, искрясь, горит надежда,
Как в черной проруби звезда.
И счастья будущего всходы
В душе проклюнулись уже.
Да, подошли такие годы,
Стою на новом рубеже.

Не сажают в городе цветы.
 Говорят, когда-то их сажали,
 Говорят, что козы их сожрали —
 Мелкие рогатые скоты.

Но зато какие лопухи!
 Вы таких, уверен, не видали!
 В них не то что козы пропадали,
 Пропадали даже пастухи.

А крапива — поглядеть — стена!
 Хмурая, могучая, седая!
 Ты рукою тронь ее, играя, —
 Опалит огнем, как сатана.

В общем, достославный городок!
 И уже, свои отбросив шутки,
 Я там сутки прожил, но не мог
 Протянуть еще хотя бы сутки.

Бросил я гостиничный уют,
 На вокзале наспех выпил чаю.
 Люди там хорошие живут,
 Как живут, вот этого не знаю...

* * *

Над рекой слоистые туманы.
Катер часто подает гудки.
Лодочки качаются за нами,
Доньями скребутся о пески.

Близкою черемухою тянет...
Берег милый, родина моя!
Соловей — раскатится! — и станет...
Слышу только сердце соловья.

Птаха ведь, а тоже просит ласки
И от самой малой входит в дрожь.
И стоишь, мужик, и веришь в сказки,
Что на первой пристани сойдешь.

Но когда причаливает катер,
Блажи той уже помину нет...
Лучше не смотреть на дебаркадер.
До конечной пристани билет.

* *

Зима глубокая стояла.
Снега за окнами несло.
А печь гудела и стреляла,
И было тихо и тепло.
И только бой часов старинный
Кота дремотного будил,
И вечер зимний, вечер длинный
В ночь милую переходил.
И все спешило жизнью тайной
Пожить, пока не рассвело,
И только ставен стук случайный
Откатывался за село...

* * *

Над Ростовом не звенят колокола.
Представляю, что за музыка была,
Если медный с двухпудовым языком
Перекликнется с простым пудовичком!
Отыграла эта музыка давно,
Разве изредка запишут для кино.
Прикусили языки колокола...
Как представляю, что за музыка была,
Помолчу да покачаю головой,
Тоже... «колокол на башне вечевой».

* * *

Гармоники разгульно пели
На Троицу и на Ильин,
И кони празднично храпели,
Все в новой сбруе, как один.

Бывало страшновато в общем
Среди подвыпивших ребят,
Среди разгульных поножовщин,
Когда сходились ряд на ряд.

Тут каждый пил и завирался
Во что горазд, насколько мог,
Тут с перепугу заливался
Родной милиции свисток.

На памяти все это было,
Быльем с годами поросло
Все, что гуляло, и грубило,
И сапогами пыль мело.

Прошли те времена лихие,
Но встрепенется в сердце кровь —
И песни старые, глухие
Сижу и напеваю вновь.

Понятно мне: иное время,
Иная музыка гремит,
Но та живет во мне, как семя
В земле, что больше не родит.

* * *

И наша не хуже эпоха
Иных, отзвеневших эпох.
Случалось, живали без вздоха
И перепадало под вздох.
Случалось, на праздниках пляшем,
Полынные песни поем,
А то на коровушках пашем,
На танки с винтовками прем.
Летим над Землею в ракете,
Меняя лицо деревень...
За прошлое тоже в ответе,
Не только за будущий день.
Историю выучив в школе,
Мы поняли — слава одна
У тех, что на Марсовом поле,
С солдатами Бородина.
И, помня былого уроки,
Над Родиной солнце и дым,
Мы чистые наши истоки
Мутить никому не дадим.
Корежим, и строим, и пашем,
Безмерны в труде и любви.
И силушка дедичей наших
Гуляет по нашей крови.
Написано если на доле,
Ответим своей головой
За каждое русское поле,
За молот и серп полевой.

* * *

Без заботы жилось, без печали.
Всё безоблачно было в судьбе.
Нам другие порою прощали
То, чего не прощали себе:
И забытое слово привета,
И забытую скорбную дверь,
Письма срочные без ответа...
А теперь, а теперь, а теперь
Что за голову браться руками —
Все не выправишь наверняка...
Открывает подводные камни
Жизни тающая река.

* * *

О чудо, с легкостью какою
Закладывают виражи
Над вечереющей рекою
Сиюминутные стрижки!

И только этой стае быстрой
В одно мгновение дано
Соединять свой берег мглистый
Со светлым берегом в одно.

Мне тяжело, когда, верно привычке,
Вокруг снует холодное жулье
И подбирает разные отмычки
К моей душе, чтобы взломать ее.

Мне тяжело. И я спешу забыться
В кругу друзей, под сенью чьих-то крыш.
Мне тяжело. И я спешу забыться
В лесную глушь и полевую тишину.

Мне тяжело, я головой качаю,
Когда, домой придя издалека,
Все реже я у милой замечаю
Улыбку, словно вспышку маяка.

Мне тяжело. И я спешу из дома
С единственным желанием — скорей!
Как птица к небу и как пахарь к полю,
Так я привязан к родине своей.

И не бывает счастья в одиночку,
Куда бы за ним ни ехал далеко!
Пора смириться и поставить точку:
Мне тяжело, ну а кому легко?

* * *

Что, ребята, горевать,—
Нет бессмертья людям!
Если быть — не миновать,
То и мы там будем.

Только каждый в свой черед...
А черед — когда же?
Тут никто не разберет,
Разум не подскажет.

Знай работай, нажимай
В доле и недоле.
Помирай, а засевай
Родимое поле.

Неизвестно, кто пожнет
С наших с вами пожен.
Неизвестно, кто поймет,
Но ведь кто-то должен.

Незарытым на земле
Не оставят тело.
Незарытым на земле
Остается дело.

СОДЕРЖАНИЕ

«Снова на родимой стороне...»	3
«Осенняя заря, заря глубокая...»	4
«Любовь к Руси необъяснима...»	5
«Мама жизнь прожила...»	6
«Стоит июль. Стоит жара...»	7
«Нам по душе погожие деньки...»	8
«Полузабытой дорогой неспешно шагаю...»	9
«Подвигаюсь к вечному порогу...»	11
«Опять, робея, ухожу под липы...»	12
«В старинном прионежском городе...»	13
«Такое дождливое лето...»	14
«За озеро кануло солнце...»	15
Художнику Михаилу Брагину	16
«Сближаем страны и народы...»	17
«Рыбными были реки...»	19
«С утра на льду торчит тулуп...»	20
«Стоит одинокая хата...»	21
«Полянка в розовых волнушках...»	22
«И опять посередине сквера...»	23
«Как он был высокомерен встарь!..»	24
«Качнулись под крылом деревья...»	25
«Долга зима, да перемыкали...»	26
Памяти Н. Рубцова:	
1. «Душа поэта всем видна...»	27
2. «Не нарушим твоей тишины...»	27

«И перед начальством не робею...»	30
«Лечу, гонимый ветром и судьбою...»	30
«Лепечет дождь в открытое окно...»	31
«Днем солнца нет, а ночью нет луны...»	32
«Столько зелени на островах...»	33
«Опять, опять весну припомнил прежнюю...»	34
«Передо мною чистая страница...»	35
«Душа, словно птица, пуглива...»	36
«Стужа на душе и непогода...»	37
«Ах, как он прыгал по опушке сада!..»	38
«И вот пришла пора грибная!..»	39
«Дите уснуть не хочет...»	40
«Таблетками накормлен до отвала...»	42
«Давно ли здесь — скажи на милость!..»	43
«Иду в кромешной мгле — а путь далек...»	43
«Прошла машина, тяжело дыша...»	44
«Листвы караваны за осенью следом...»	45
«Судьба ко мне явила милость...»	46
«Небеса с одной-единой тучкой...»	47
«Темна осенняя вода...»	48
«Уют деревенского крова...»	49
«И хотел бы в деревню родную...»	50
«И до сих пор не слаб в коленках...»	51
«Опять взошла, взошла звезда вечерняя...»	52
«Породистые — не подыщешь слова!..»	53
«Среди берез, на берегу реки...»	54
«Осиновые крупные листы...»	55
«Средь недописанных строчек...»	56
«Ах, опять на равнинах безбрежных...»	57
«Горька у старика судьбина!..»	58
«На таежной станции цыгане...»	59
«Выйду в лес осенний до тумана...»	59
«Полжизни прожил, не умея жить...»	60
«В лесах разбитые проселки...»	61
«Минули нас лихие времена...»	61
«Снова играет полночная выюга...»	62

«Зачем стихи и прозу ссорить?..»	63
«Дела совсем не тяготят...»	64
«Далекие прощальные зарницы...»	65
«Люблю ночной порой не зажигать огня...»	66
«Покрыты сплавом берега реки...»	67
«Проснулся на раннем рассвете...»	68
«Люди вынули зимние рамы...»	69
«Все увидел: и горе, и негу...»	70
«Ушла жена от мужика...»	71
«Опять накручено-наверчено...»	72
«Ах, милая моя! Да я бы...»	73
«Надень-ка валенки и белый полушелок...»	74
«За воротник росой кропило...»	74
«Никто не умер от письма...»	75
«Замечашь, наше лето стало краше...»	75
«Нарву цветов у старой школы...»	76
«Язык любви, язык цветов...»	77
«Вечеровые птахи отпели...»	78
«Здесь ты жила. Вот здесь росли цветы...»	79
«Недалекой бедою грозят лиловатые тучи...»	80
«На сходнях старого причала...»	82
«О милая! Наш миг неповторим...»	83
«Да, подошли такие годы...»	84
«Не сажают в городе цветы...»	85
«Над рекой слоистые туманы...»	86
«Зима глубокая стояла...»	87
«Над Ростовом не звенят колокола...»	87
«Гармоники разгульно пели...»	88
«И наша не хуже эпоха...»	89
«Без заботы жилось, без печали...»	90
«О чудо, с легкостью какою...»	90
«Мне тяжело, когда, верно привычке...»	91
«Что, ребята, горевать...»	92

Чухин С. В.

Ч 96 Ноль часов: Стихотворения. — М.:
Мол. гвардия, 1980. — 95 с.

30 к. 10 000 экз.

В новой книге вологодского поэта Сергея Чухина, как и в предыдущих, трудные судьбы земляков, тружеников Нечерноземья, их дела, проблемы, неповторимый пейзаж русского Севера. В книге С. Чухина много душевного тепла и доброты к людям.

Ч 70402—209 204—80. 4702010200 ББК 84Р7
078(02)—80 Р2

ИБ № 2129

Сергей Валентинович Чухин
НОЛЬ ЧАСОВ

Редактор Т. Чалова

Художник Ю. Пожарская

Художественный редактор С. Сахарова

Технический редактор Е. Брауде

Корректоры Е. Самолетова, В. Назарова

Сдано в набор 14.02.80. Подписано в печать 31.07.80.
A10427. Формат 70×90^{1/32}. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать,
высокая. Условн. печ. л. 3,51. Учетно-изд. л. 3,0.
Тираж 10 000 экз. Цена 30 коп. Заказ 2419.

Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес издательства и типографии: 103030, Москва,
К-30, Сущевская, 21.